

"Я скжѣ их жизнь, как ворох газет..."
Борис ГРЕБЕНЩИКОВ

НА ИЗЛѢТЕ перестройки-недостройки я работала на междугородной телефонной станции, а заодно училась в техническом вузе — по совету родственников-инженеров, полагающих, что весь мир принадлежит тому, кто сдал спомрат и черчение. Декорации буйно трансформировались, становясь грязнее, ярче и — криминальнее. По телеящику выступали полуголбоги манипуляций — Чумак с Кашпировским, на экранах — страдали, пили и уныло совкуплялись какие-то очередные Интердевочки, сменяемые не то Маленькими Верами, не то — Авариями, "дочерьми мента".

БГ, Цой и Шевчук выползли из андеграунда и переползли в эфир. Вещали они всё то же, но эффект оказывался менее значительным — тогдашний молодой любил запретные плоды, о коих печально спел мессир Бутусов и подытожил: "Туд бай, Америка, oi." Потому что: "Привет, Америка!" — и толпа моих приятелей записалась на курсы American English, напрочь забыв, а, скорее всего, никогда не обращающ внимания на слова Оскара Уайльда: "У нас, англичан, с американцами вправду всё общее — кроме, разумеется, языка".

Но как было писано Виктором Пелевиным: "В жизни человека, страны, культуры и так далее постоянно происходят метаморфозы. Иногда они растянуты во времени и незаметны, иногда принимают очень резкие формы — как сейчас". Крайне резкие формы: официальные кумиры летели в тартарары с корабля современности; над ними стало принято смеяться, а разномастная, бесстыжая сатира вышучивала не лепторм и грубых продавщиц, а дикицю "дорогого Леонида Ильича". Что же касается другого Ильича — того,

Сергей КУРЁХИН (крайний справа) и Виктор ЦОЙ (крайний слева) на концерте группы «Поп-механика»

чы памятники громоздились в каждом ПГТ и чьи цитаты выучивались наизусть чуть ли не с детсадовского возраста, что с этим — первым — Ильичом поступили ещё более изощрённо.

Как уже было сказано выше, я трубила на телефонной станции — среди доверчивого народа, честно заряжавшего воду "от Чумака" и отправлявшего своих детей учиться американ-инглиш. "Вы смотрели вчера? Ленин — гриб!" — шептались барышни-телефонистки, точнее — дамы лет под пятьдесят. Они мало что поняли в стройной и феерической беллибедре, которую нѣс музыкант, философ и просто гений Сергей Курёхин, беседа с модным журналистом Сергеем Шолоховым в телепередаче "Пятое колесо". Пересматривая сейчас эту безобразно-ловкую мистификацию, я поражаюсь уровню свободы и — вседозволенности 1990-х (нечто похожее случится в романах Пелевина, взорвавшего наш мозг "Чапаевым и Пустотой").

О чём речъ? Для тех, кто не знает: персона с серьёзными лицами рассуждала о том, что Ульянов-Ленин потреблял галлюциногенные грибочки, неуклонно превращаясь в грибовидную сущность. Целый час густого бреда, сотканного из идей Кастанеды и мифа о непреложной особости Владимира Ильича. Этот прокишший, как всем думалось, культ надо было наконец-то обрушить. И это устроил Сергей Курёхин. Программа о грибной сути Ленина — последний гвоздь в гроб Советской Власти, как ни парадоксально это звучит. Последние гвозди — всегда именно такие.

О том легендарном сюжете, равно как о самом Курёхине напоминает выставка, проходящая в Музее Современного Искусства (Ермолаевский переулок, 17). Спешу мистификаций сегодня могло бы исполниться 65 лет. Он ушёл от нас в младые лета — в разгар ураганных, уркаганных

1990-х. От саркомы сердца. Обычно такие индивиды летят в Вечность, когда им нечего больше хотеть и — не для кого сочинять. Будто нельзя перейти черту, за которой — бронзовение и статус мудрого, лысого мэтра (или — старика-Козлодоева?). Не всем нужна эта "корона". Не всем она идёт. "Мог бы остаться целым, / Но это не в моих свойствах", — надменно пел нам БГ, как раз отметивший в прошлом году своё 65-летие.

Глядя на экспонаты, читая подписи и вспоминая что-то своё, разумеешь: многие творцы перестройчного "созыба" были настолько неразрывно связаны с ненавистным, суконно-посконным сов-агитпропом, что после его крушения им стало вроде как

ПОСЛЕДНИЙ ГВОЗДЬ

«Курёхинская» выставка
в Музее Современного Искусства

нечем заняться. Поэтому Егор Летов и прокричал топле: "И Ленин такой молодой!" Смотришь на эти фотографии, плакаты, манифесты курёхинской "Поп-механики" и — да! Всё это смогло вырасти исключительно в советские-восемьдесятые. "Это только наши танцы на грани весны!", — оправдывался БГ. Весна и wind of change обвалили не только Ленина-гриба, но и тех, то изысканно шутил в разных молодёжно-развлекательных студиях. Несостоявшийся юбиляр, с его тонким аристократическим лицом, предьявлен "... последним осколком погибшей вселенной — не советской, а какой-то другой, существовавшей параллельно советскому миру и даже вопреки ему, но пропавшей вместе с ним". Пелевин тут многожды кстаети.

Нужен ли Курёхин современной молодёжи? По залу бродила парочка хипстеров — из "продвинутых", олдовых и верящих в то, что Цой — жив. Эта выставка больше для нас — для тех, кто зашищал сначала Белый Дом "за Ельцина", а потом, в 1993-м, — уже "против Ельцина". И не Белый Дом, а Дом Советов. Мы — это те, кто смотрели фильм "АССА", ждали перемен и ловили смыслы — там, где их, быть может, не было вовсе. Те, для кого имена художника Тимура Новикова и человека-оркестра Сергея Бугаева "Африки" — не пустые звуки. Выставка — ностальгия. Хулиганство, эпатаж и — нежность нашего растерянного поколения. И тех, на кого мы равнялись. Кому исполнилось или — никогда уже не исполнится — 65. Экспозиция — ряд памятных артефактов. К примеру, реконструированный уютон — чудо-устройство, которое (о, ужас!) издавало звуки. Обычных деревянный стол с него на струнах свисали древние уютги — те, чьё полагало греть на отрытом огне. Ребята из "Поп-механики" утверждали, что уют-

гон — первый русский синтезатор, собранный Владимиром Маяковским. Стёб и миф, где миф — перекурывает стёб. Анти-постмодернизм.

Вместе с тем, Курёхин и его команда — феномен, обладающий слишком большим количеством граней, чтобы можно было говорить об этом лишь, как о явлении перестройки и ранних 1990-х. На стендах — творческий путь, фильмография, названия музыкальных произведений.

Курёхин — это то, чем не стала наша масс-культура и чем она хотела стать. Отрицая, он предлагал качественный прорыв; многие же — тупо глумились или прогибались под новые реалии. В те годы беспрестанно говорилось о синтезе ис-

куств и воспитании разносторонней личности. О культурном поиске грядущего XXI столетия. Человек будущего рисовался, как "человек-коллаж": в нём дивно соединяется и физик, и лирик; художник-плакатель — и рок-певец; знаток классики и — джазовый импровизатор. Курёхин говорил, что его "Поп-механика" — это не группа, а способ мышления.

Последний гвоздь, который мог бы стать первым. Но всё ушло даже не в свисток, а в песок. Вот — стѣбное полотно Ивана Сотникова "Перенос памятника", написанное в 1987 году. Перед нами — узнаваемые Рабочий и Колхозница, переставленные автором куда-то в глухую чащу. Младые да борзые думали, что стоит задвинуть протухшие символы, тут же — народятся свеженькие. Правильные. Не по лжи. Но из этой ойсты "бучи — боевой кипучей" (цитирую пролетарского поэта №1, как же без него?) получились коммерческие лары и такое же буржуинское, жлобское ТВ с песенками про "Американ-бой" и "Милого бухгалтеря". Массы поимели то, что заслужили. Теперь они же (массы) ругаются, что им из года в год показывают заплесневелых певунов, казавшихся старообразными ещё в конце восьмидесятых.

Мы привыкли бранить перестроечное кино за чернуху и гадостное качество игры, но знаем ли мы его в полном объёме? "Господин оформитель" и "Трагедия в стиле рок" — торжество эстетизма и стильности; музыку писал Сергей Курёхин. Он сопрягал джаз, классику, рок, попсу в каких-то нелепых миксах. В начале 1990-х на ТВ мелькнул фантастически-странный фильм "Два капитана—2", где Курёхин представлялся в двух ипостасях: композитора и киноактёра. В наши дни его считают культовым. Хоть и непонятным. Отдельным пунктом — проект "Центр космических исследований". 6 января 1992 года Сергей Курёхин официально зарегистрировал в

Санкт-Петербурге тот самый Центр, созданный для разработок "...в области микро- и макрокосмических пространств". Основной задачей являлась "подготовка космонавтов для запуска во внутренний духовный мир человека, создание межорбитальных духовных станций, а также постоянных искусственных и естественных спутников души". Это было чем-то, сугубо противоположным пелевинскому "Омону Ра", где, во-первых, никто нигде не летал, а, во-вторых, царила столь вонючая безнадега, что впору вешаться. Курёхин тоже эпатирует, устраивая из любой затеи — перформанс, однако, его стѣб чаще всего переходил в пафос, а пункты "Положения о Центре космических исследований" отсылают нас... к идеалам русского космизма. Через насмешливое использование типических канцеляризмов и словечек из арсенала чиновников, через тёплый юмор — без грамма сатиры мы выходим в ту реальность, где осталась Алиса Селезнёва и её Москва-2084. Сюда же — "Старт" Новикова и Бугаева. На малиновом фоне — белая ракета с буквами СССР. Приметная деталь — Сергей Летов (старший брат Егора), саксофонист-импровизатор и непремённый участник выступлений "Поп-механики", который совмещал музыкальные дерзания с работой над телозащитными покрытиями "Бурана". Титаны советской закалки — умели всё. Готовились к рывкам и стартам, а перестройка наивно выдвела им не прыжком в капитализм, но расширением дозволенного.

Пресловутая дружба с Америкой воспринималась, как взаимодействие культур, подобно визиту авангардиста-музыканта-философа Джона Кейджа в 1988 году на Фестиваль современной музыки. Среди выставочных фотографий — уникальные съёмки из серии "Дорогой Джон Кейдж" о встрече и коллективном перформансе. Пожилой респектабельный композитор с востоком принял участие в безумствах Курёхина и Бугаева-Африки".

По факту, выставка очень грустная. Какой-то памятник неслучившейся возможности. Энергия созидания обратилась против себя самой. Старт не состоялся. Последний гвоздь не оказался первым, но остался уникальным, что, наверное, должно немного радовать. В лестничном пролёте между этажами — обложки дисков БГ с "Аквариумом" и "Поп-механики" с Курёхиным. В залах на больших мониторах синхронно крутятся отрывки из концертов. Вдоль стены — сумасшедшие по своей креативности костюмы участников "Поп-механики". Человек-синтез не сложились, зато хлынул Generation "П" и его незамысловатые вкусы. Впрочем, Пелевин же предрекал: "Альтернативная музыка — это такая музыка, коммерческой эссенцией которой является её предельно антикоммерческая направленность". Так сказать, антипопосовость. Поэтому, чтобы правильно просечь фишку, альтернативный музыкант должен, прежде всего, быть очень хорошим поп-коммерсантом, а хорошие коммерсанты в музыкальный бизнес идут редко".

Галина ИВАНКИНА

СТИХИЯ

Тимур ЗУЛЬФИКАРОВ

БАНКИР БАНКИРОВ
И ГОЛЫЙ ХОДЖА НАСРЕДДИН

Милые друзья!
Всю мою долгую жизнь я беседовал с тысячелетним мудрецом Ходжой Насреддином...
Он часто спасал меня от скуки бытия...
Иногда мне грустно, что Он уйдѣт вместе со мной ...
Но потом вернѣтся!..
Ведь Он бессмертен!..
Вот и сегодня Он явился в мой одинокий глиняный домик и принѣс эту притчу...

Московский Банкир Банкиров, услышав о великом мудреце-острослове Ходже Насреддине,
Пригласил его в свой хрустальный дворец...

Ходжа согласился...
Потому что в 21 веке Золотого Тельца Никому не нужны были Поэзия и Мудрость...
И он часто пил воду вместо чая...
И жевал седую бороду вместо лепёшки...

Мудрец в своём ветхом халате и пыльных сапогах-каушах
Остановился у золотых врат банкирской виллы...
Вытащил нож и порезал и без того дырявый чапан и сапоги...
Вылезли на божий свет жѣлтые... черепашьи пальцы вѣчного странника...

Банкир принял острослова в своём золотканом халате
с изумрудными пуговицами...

Говорят, что такие халаты носили Царь Соломон... Чингисхан... Иван Грозный...

Теперь царями стали банкиры и ходят в царских одеяниях...

Казалось, что все виа мира и все диконные яства украшали стоп...
Долго и сладко текла беседа...
Мудрец сыпал анекдотами, афоризмами, притчами...

Банкир банкиров был в сладком восторге!..
Текли вина...
Яства таяли во ртах...

Но пришѣл хладный опохмелный час прощания...

Мудрец, вдруг сверкнув глазами,
Как дамасскими саблями, улыбунился: — Брат!.. Погляди на мою одежду!..
Она истрепалась... сапоги прохудились... нужна помощь...
Иль не знаешь, что Бсевышний ... Всезоркий глядит на нас только в тот момент,
Когда мы помогаем ближнему...

Но банкир был несметно хитѣр и скуп, как два Коры-Ишмакы,
И разгадал хитрость Ходжи Насреддина...

— О, великий златоуст!..
О, Мастер словесного перца!..
Увы, я не могу помочь тебе... Ибо только что мне сообщили, что я банкрот!..
И всё пойдѣт на продажу!..
Все мои дворцы... яхты... жѣны... золотые халаты!..
Теперь я стал нище тебе...

Тогда Ходжа сочувственно сорвал с себя реальные одежды и дырявые сапоги...

— Родной брат по нищете!
Возьми этот дар!.. Это всё, что у меня есть...
Но по Древнему Закону я должен отдать бедному последнее...
И тогда я буду в Раю!.. Благодаря тебе, голый... как Адам...

И назоѣ Ходжа торжественно пошѣл к двери...

Тогда перепуганный банкир воскричал:

— Подождите, о почтенный!..
Возьмите мой золотой халат!..
А то народ скажет: " Банкир банкиров обобраб великого острослова до нитки!..
И голый мудрец выскочил из хрустального дворца!.."

И банкир набросил на тощие плечи старца тяжкий златотканый чапан...

Тогда Ходжа горько улыбунился: — Брат, да что я?..
Вылезли из дворца!..
Я проехал на своём осле всю Русь...
Весь народ ходит голым!..
И аде найдѣшь столько золотых халатов...

И тысячелетний мудрец, в золотом халате,
На своём нищем осле поехал по кишающей Москвавицу
Мимо Златокупольного Кремля...

— Эх!.. — вздохнул Ходжа...
Кремль тоже в Золотом Халате...
А Русская Изба-Кормилица — Старуха в реваном тряпье...
Поеду-ка я на Русь и отдам Золотой Халат Святой заброшенной старухе...

Редакция газеты «ЗАВТРА» поздравляет Тимура Касимовича ЗУЛЬФИКАРОВА с 83-м днём его рождения, желает здоровья и новых творческих успехов

ЭХ, ХВОСТ-ЧЕШУЯ — МОЁ ПОКОЛЕНИЕ...

Памяти
Вилли
ТОКАРЕВА

Ленинград. 1985 год

У Макса Елкина был серебристый двухкассетник типа гетто-блэстер, Панасоник или Шарп, точно не помню. Огромный, как корабль из космоса. Такой в классе был ещё только у Лёхи Бурденкова, но у него батя вкалывал такаежаником в Гавани, поэтому понятно, у них всё было. Кем работал родитель Елкина я не помню, но доставать бархлах или, говоря красиво, товары народного потребления, он тоже умел, факт.

Вот из ёлкинского гетто-блэстера я впервые и услышал Вилли года в 85-м в городе над тихой Невой.

Утрированно-сиплый голос — речитативом — "Рыбашку" — с жутко неприличным: "вчера поймал я два потрёпанных ... (противозачаточных средства), они унылые висели на крючке...", и с провокационным припевом про "эх, хвост-чешуя, не поймал я ни... чего".

Малопонятные потрёпанные "... (противозачаточные средства) смущали детскую душу интеллигентного мальчишка — дома мама запускала пластинки Битлз и польских Скальдов, записи Эдисона Денисова и Валерия Агафонова, папа музыку слушал мало, но любил возвышенного Окуджаву, а тут "хвост-чешуя". Вулгарней был только исполнитель, поющий про "на параде, к тѣте Наде молодой коммисар подошёл...", его я под большим секретом слушал у Лёньки Комарова. Что это поѣт Костя — Константин Николаевич — Беляев, и что я буду дружить с ним через полтора десятка лет, я тогда не мог и догадываться.

Токарев воспринимался как певец для прифранцовывающих пролетариев. Интеллигентного мальчишка к пролетариям тянуло, поэтому и Вилли Токарев самым естественным образом вошёл в мою жизнь. Вообще, тогда он, возможно невольно, был частью американской экспансии. Шѣл в одном культурном пакете с видеофильмами "Одинокий волк" с Чаклом Норрисом и "Полцейская Академия" с толпой полицейских. Их смотрели на видеке, у Елкиных таковой агрегат тоже имелся, BM-12, потом Sanyo с бетамакс-кассетами.

"Ребя, знаете, что в Америке на телефонной будке написано слово "... (слово на букву х, к печати не предусматривалось. — прим. авт.) В "Полцейской Академии" можно на стоп-кадр нажать и прочесть". Это уже излѣт восьмидесятых, на школьных переменках мы делимся пережитым за просмотрами/прослушиваниями записей у Елкина. "Это им Вилли Токарев слово подказал, он там сминчался в новой серии и пел "Я налѣтчик Моря-хулиган, пусть вас не смущает мой наган". — "Дебил, это не Токарев, а Шуфутинский, и не в "Академии", а в "Красной жарѣ" — объяснял кто-то многозначно...

Но знаек не особо любил...

Тем более, что это был и не Шуфутинский...

Москва. 1995 год

Э. В. Лимонов не особо любил выходить в свет вообще, и выходить туда в одиночестве в частности. В тех редких случаях, когда он выбирался куда-либо, он обыкновенно звал меня составить ему компанию. Отчасти в качестве охранника, отчасти — собеседника, отчасти — собутыльника.

Тогда красиво гуляли в доме Ханжонкова.

Миша Зувев, предприимчивый журналист, Жюльен Сорель и Хлестаков своего времени, собрал в только что переименованном кинотеатре "Москва" несколько десятков знаменитостей и московских экзотов в честь своей какой-то грядущей женитбы на дочке Штирлица — Вячеслава Тихонова. Знаменитости живые были одобрены двойниками знаменитостей умерших: Гитлер, Сталин, Ленин, Николай Второй, плюс Gorbachov.

В этой гротескной тусовке я впервые увидел Вилли Токарева близким.

В белом летнем френче, седой "Стагилн" учил меня пить "Киндзмараули" из рога, и говорил: "Запиши мой телефон, и не ошибись — Саакян, Георгий Маркарович. Запомнил, дорогой? Я Маркарович, а не Макарович!"

Вдруг появился Вилли Токарев. Маленького роста, на каблуках, в добротном двубортном костюме, как из кино про гангстеров, сам креплкий, словно штоф водки. Обнялся с Лимоновым, исчез в толпе. "Вилли Иванович больше похож на Сталина, чем штатный двойник, — говорит ему вслед Лимонов, — как ты думаешь, какого он роста? Видь явно он ниже меня сантиметров на пятнадцать?" — "На все двадцать, Эдурд" — лыщу я...

Наверное, тем же вечером Лимонов рассказал мне, как он встретил Вилли Токарева в 89-м году, впервые прилетев на Родину после пятнадцати лет эмиграции. Не буду сейчас сочинять прямую речь Лимонова, а лучше процитирую кусок из его относительно малоизвестного романа "Иностранец в смутное время". В романе Индиана — это Лимонов, Пахан Солёнов — Юлиан Семёнов, а Вилли Токарев — Вилли Токарев: "...ему пожимал руку небожьего роста тип с пышными усами, в чёрной шубе до пят. Токарев. В норковой шубѣ. Он слышал об Индиане. Индиана слышал о Токареве.

...>

В том, что Токарев смелый певец, не было сомнения. Он общался с пятнадцатью тысячами в той же небрежной манере, в какой пѣл для обѣдающих в русском ресторане в Нью-Йорке. Страннейший феномен народной признани сорвал его из маленького ресторана в каменном городе на другом континенте и приземлил сюда.

...>

...Индиане сделался понятен метод автора. Тот создал как бы дневник: песенные сценки из жизни маленького еврея Вилли, советского эмигранта в каменной Америке. Антигероический, перелуганный персонаж Токарева однако привлекал юмором, наглостью, одесской находчивостью. Наилучшим образом выражала Токарева строка-припев: "Небоскрѣбы... небоскрѣбы, а я маленький такой".

...>

Пахан Солёнов, не торопясь, пошѣл к сцене. Пятнадцать тысяч человек ждали. Поймав по пути конференсье и объявивши его, Пахан вышел к микрофону, как вышел бы в кухню, набрать стакан воды из крана.

"Мы хотели оставить скорпиз на завтра, но я все же не могу удержаться и хочу объявить вам это сегодня. Приблѣл от завтрашнего трёхчасового концерта Виленьки пойдѣт целиком в пользу наших ребят, раненных в Афганистане. Давайте все дружно поаплодируем американскому гражданину Вилли Токареву за его щедрость и высокие качества души!"

Зал зааплодировал. Токарев обнял Солёнова. Солёнов обнял конференсье. Шеф оркестра в белом шелковом костюме обнял всех ранее обнимавшихся. Музыканты привстали и тоже аплодировали, отложив инструменты. Индиана на своём месте морщился, находя все эти обнимания и всенародные умиления излишними сладкими.

...>

Певец скрылся за чёрными ящиками усилителей, чтобы выйти из-за них уже с другой песней. Он вышел в зал с суровой мелодией Великой Отечественной войны:

Вставай, страна огромная,
Вставай на смертный бой,
С фашистской силой тѣмною,
С проклятою ордой.

Пусть ярость благородная
Вскипает как волна.
Идѣт война народная,
Священная война...

Народ в зале вспомнил, какой он народ. Заволновались, зашумели, зааплодировали, сорвались с мест для чего-то, понимая, что нужно что-то делать. Скопились в проходах, стали литься к идущему к ним, таща за собой чёрный шнур микрофона, певцу. Схватить его — источник этих тревожных звуков. Схватить, чтобы качать и обнять? Или напротив, — заткнуть ему рот, чтобы не напоминал им, какой они народ сегодня. Победѣнный. Победивший сам себя. Чѣтб не бередил душевные раны, задавить источник тревоги и жутких воспоминаний.

А он укорял их памятью. Привыкший каждый вечер играть на чувствах людей, он играл умело. И на пятнадцать тысяч душ это действовало, как на пятнадцать душ в ресторане. Он напоминал им их победы. Варшаву, Будапешт, Вену, Берлин...

Когда они готовы были коснуться его рукой, хлестнув бичом-проводом по полу, певец свернул в боковую проход. Стал уходить от публики. Оттуда он напѣл их "Землянку".

Бѣтсся в тесной пещурке огонь,
На поленьях смола, как слѣза.
И поѣт в той избушке гармонь
Про улыбку твою и глаза...

...Мне в холодной землянке тепло
От твоей неагисмой любви...

Стойкий иноземец, бесчувственный чужой Индиана сопротивлялся тениению влаги из глаз. Но глаза так немилосердно щипало и жгло, что пара слезинок все же преодолела железный занавес. Ругаясь сквозь сжатые челюсти, он вынужден был констатировать, что принадлежит, всё ещё принадлежит, к этому народу. "Да, ОН-таки прочно взял ИХ за яйца", — сказал он, обернувшись к Солёнову.

Он простил Токареву его шубу.

Москва. 2002 год

В начале двухтысячных у меня случился друг, сбежавший одновременно от братвы и от латвийского правосудия — рижский бандит Серѣжа. В силу обстоятельств, он какое-то время жил у меня дома в Москве. Тогда я был молод и верил в благородную миссию просвещения, видимо, гены прадеда-народника давали о себе знать. Серѣгу я приобщал к культуре. Культура знаменовалась многократным просмотром "Терминатора" (часть вторая, Джайджмент Дѣй), ленты Дыховичного "Копейка" и "Калины красной" (мы оба плакали), а так же прослушиванием Высоцкого, Северного и Вилли Токарева. Интересно, что у Серѣги выстроилась своя иерархия величия полюбившихся мастеров искусств. Так Шушинин для него был строго — Василии Макарович. А вот поющие сердца ощутились им, не то что сердцем ближе, но фамильярней, на более короткой дистанции — Высоцкого он именовал Володичкой, Северного — Аркашей, а Токарев был Виленькой.

Так, Виленькой, он для меня всегда и остался. — Даник, поставь "Сѣдого мальчишку" — ни разу не отидеивший Серѣга любил эту торемную песню Токарева. После "мальчишки" непременно наступал черед песни про "день рождения мамы".

— Когда Вилли приезжал в Ригу, ребята Клопа — Яниса Кальве — хотели подарить ему седьмую бѣху-автомат, даже номера заказали именны: "ВИЛЛИ", но Виленька отказался принять подарок. — делился Серѣга воспоминаниями.

А просветительские мои усилия, видимо, были не совсем бессмысленными, ибо прослушивание любимых исполнителей закончилось тем, что предприимчивый Серѣга организовал свою собственную группу "ВИА Путина", сделал аранжировки "как у Токарева", и последующие полтора года, когда я выходил из метро, меня домногал рвущийся из всех ларьков звукозаписи жизнерадостный серѣгин хит "Отмечаем-зажигаем!", исполнявшийся от лица и голосом Владимира Владимировича.

В 2006-м Серѣгу убили, застрелили где-то в Венековском районе Тульской области.

Бишкек. 2014 год

С моим другом бизнесменом Валерой мы мчимся ночью из аэропорта Манас в Бишкек. В вип-зале аэропорта мы только что столкнулись лоб в лоб с похотим на злуту мумию Джорджем Соросом, и обсуждаем, что слугит Кыргызстану появление этого шайтана. Валерин телпорхантель и водитель, есаул Семиреченского казачьего войска Женья по прозвищу "Большой Джон", наклонив могучую голову к рулю, спрашивает:

— Я Вилли Токарева поставлю? Вы не против?

Босс не против. "Этот диск сам Вилли Иванович мне подарил" — объясняет Женья.

— Мы его так принимали тут год назад! Вилли Иванович красивачи! Он же сам казак! Приехали вечером к нему в гостинок, преподнесли ко всем уважением коньяк в бутылке в виде шапки, он очень рад был. Выпивал с нами — у него свои сигары с собой были и свои кониски. Потом его по жарѣ сморило малость, устал конечно, он всё-таки не мальчик. Но, приняв, на следующѣе утро — как огурец. И вечером — концерт на два часа...

Про Киргизию Вилли Токарев тоже сочинил песню. Я недавно видел в интернете. Слова простые и понятные, такие, какие нравятся людям:

Я в машине помчусь по Бишкеку,
И, сжимая от радости руль,
Я поеду смотреть чудо века —
Не сравнимый ни с чем Иссык-Куль.
Я напысь родниковой водицы
И на снежную гору взберусь,

Вилли ТОКАРЕВ: «Небоскрѣбы, небоскрѣбы, а я маленький такой...»

Я оттуда ушжу столицу,
Я ушжу далѣкую Русь.

Крупного масштаба был человек, всеозоного. Наверняка ощущал себя таковым. В нём было общее с Кобзоном — восприятие всего неопытного пространства СССР (даже через четверть века после бигели СССР) своей землѣй, своей Родиной — от края до края.

Песни его, несмотря на крепкую музыкальную образованность автора, были зачастую вульгарные и примитивны. Но высокий вкус не всегда нужен людям. Если питаться лишь "высоким" можно и помереть, или засохнуть. Есть струны в душе, которые задевает именно такая простецкая "эх, хвост-чешуя". К тому же, примитивность примитивности рознь — когда она сопровождается такой витальностью, таким жизнелюбием, как у образа Вилли (чуть было не написал — Чарли, но не будем сейчас развивать это сопоставление) она приобретает сугубо положительный заряд.

Крайне важно, что, в отличие от многих собратѣв по эстраде, у Вилли Токарева была совесть. Было ясное и определённое гражданское чувство. Он, якобы гражданин мира, никогда не забывал о том, что он русский — причѣм не просто в узко этническом смысле, но в смысле мировосприятия. Это чувствовалось всегда, а сейчас, когда пошли потоком запуюлочные воспоминания, рассказывается множество буквальных случаев.

Роза Голповкова: "Я была на первом концерте Токарева в Театре